

Дорогие финно-угорские сёстры и братья,
гости конгресса,
дамы и господа!

Для меня большое удовольствие и большая честь вновь обратиться к участникам и гостям Всемирного конгресса финно-угорских народов.

Мы размышляем здесь о наших языках и культурах, которые на протяжении нескольких тысячелетий росли как дерево, у которого много ветвей, но всё-таки один ствол и общая корневая система.

По сравнению с прошлым разом, когда мы собирались летом 2008 года в Сибири, экономические реалии окружающего нас мира сильно изменились. Если четыре года назад признаки приближения экономического и финансового кризиса замечали лишь учёные и пессимистично настроенные финансовые аналитики, то к сегодняшнему дню все наши народы и государства ощутили это на себе.

Было бы большим заблуждением полагать, что финансовые потрясения не сказались и на нашей языковой, и культурной политике. Более того, когда экономика в упадке, рабочие места исчезают и налоговые поступления сокращаются, зачастую именно сфера культуры страдает в первую очередь, а иногда — и сильнее всего.

Найти причину несложно. И политический цикл демократических государств, и эгоистические цели правителей тоталитарных государств нередко побуждают тех, кто принимает решения, предпочесть краткосрочную выгоду. При этом напрочь забывают, что бытие и культура человека не сводятся к одному лишь homo economicus.

С другой стороны, людям, принимающим решения, кажется, что пожертвовать чем-то, связанным с культурой, легко - ведь богатейший исторический опыт народов мира свидетельствует о прочности и жизнестойкости культур, что в полной мере относится и к ветвям нашего финно-угорского дерева.

Очевидно, каждый из нас может привести здесь какой-либо наглядный пример того, как сложные времена не позволили осуществиться мечтам, которые были у нас четыре года назад.

Обители нашей национальной культуры – Музею эстонского народа – уже более ста лет. По различным причинам, в первую очередь по политическим, но также и по экономическим, у этого музея никогда не было по-настоящему собственного дома. Я имею в виду, что не было здания, специально построенного для музея, для собирания, изучения, сохранения и демонстрации нашего бесценного культурного наследия.

Эстонский народ хотел построить такое здание, и пять лет назад казалось, что достигнута полная ясность. Решение было принято. Был проект, признанный по результатам архитектурного конкурса лучшим. С деньгами проблем тоже как будто не предвиделось.

Но тут начался кризис. Желания, намерения и проекта было уже недостаточно, потому что бюджетные деньги направили на решение сегодняшних неотложных проблем, которые, на первый взгляд, кажутся более существенными, чем духовное наследие и предметы, созданные нашими предками на протяжении столетий.

В спорах вокруг запрошенной у Европейского Союза финансовой поддержки на первый план вышли экономические аспекты строительства, и, не получив, как им казалось, исчерпывающих ответов, те, от кого зависело решение, усомнились, что проект окупится и посетителей будет достаточно.

Эстонский народ не потерял надежду, что однажды мы, наконец, построим этот музей — институцию, жизненно необходимую для нашей культуры. Мы знаем, что именно такие сооружения образуют основу для сохранения и развития культуры и языка, основу, на которой мы стоим и будем стоять.

Я не отрицаю, что каждая стройка должна сопровождаться калькуляциями расходов на эксплуатацию построенного. Но я утверждаю, что, если мы не построим музей своего

народа, мы понесем со временем потери намного большие.

Дамы и господа!

Этим вступлением я, помимо всего прочего, хотел обратить внимание на то, что в экономически сложные времена и тем более на фоне всё растущей глобализации существует большой соблазн поделить все дела и вещи на существенные и менее существенные, большие и маленькие, и оценивать всё лишь с точки зрения перспективности и экономической обоснованности.

Дорогие друзья, финно-угорским народам, языкам и культурам не суждено стать большими в мировом масштабе. В узком практическом смысле сохранение их и развитие «невыгодно». Экономически выгоднее было бы перейти на английский, китайский, испанский или русский язык.

Эстонский народ оказывался в таком положении не раз. Мы знаем, что это означает и какую цену придётся заплатить. Такой путь не подходит нам, не подходит ни одному другому малому народу, культуре и государству. Это путь к гибели, к исчезновению народа, государства и языка.

С позиций рыночного хозяйства одинаково «бесполезны» и венгры, и финны, и эстонцы, и ханты, и манси. Нас слишком мало, наши рынки слишком далеки от глобальных центров притяжения и финансовых машин.

По счастью, демократическая часть мира уже давно поняла, что деньги не являются единственным мерилем богатства. Подобно тому, как одобренный международным сообществом принцип права наций на самоопределение обеспечил независимость многим малым народам, в том числе венграм, финнам и эстонцам, признана и истина, что различные языки, верования, культуры и традиции являются источником мира и довольства, а не препятствиями на пути прогресса.

Для их сохранения и развития разрабатывается и осуществляется как на

государственном, так и на международном уровне политика по вопросам языка, культуры и национальных меньшинств.

В интересах наших финно-угорских народов сохранение и распространение такого отношения, чтобы наши особенности и своеобразие не оказались во власти рынка, который во всем ищет лишь хозяйственную целесообразность.

Деньги, предприимчивость и результативная работа никуда не исчезнут. Но принятые в тяжелые времена поспешные и основанные на надуманных экономических аргументах решения больше не инвестировать в то, что связано с языком и культурой, могут иметь печальные последствия для будущего наших народов.

В сложные времена — а надо подчеркнуть, что происходящее сейчас не является каким-то тотальным крахом духовных и материальных ценностей, а всего лишь обычным исправлением ошибок — мы часто говорим об ограниченности ресурсов и о том, что чем-то или кем-то придется пожертвовать.

Человек как вид, разумеется, не является всемогущим, но у решений пожертвовать чем-то, отказаться от чего-то должна быть твердая научно-теоретическая основа.

В поисках модели такого рода решений мы можем обратиться к естествознанию, тем более что рассматривать отношения между видами всегда было менее опасно, нежели отношения между народами. Современному естествознанию и экологии приходится смириться с мыслью, что поддержание условий и среды, необходимых для полного благополучия всех видов, человеку не по силам.

Следовательно, в вопросах защиты видов и помощи им мы тоже оказываемся перед необходимостью сложного, а зачастую и мучительного, выбора. В природоохранной деятельности есть множество конкурирующих и дополняющих друг друга подходов, помогающих использовать ресурсы по возможности эффективно.

Эти принципы могут пригодиться и тогда, когда мы говорим о самих себе, о наших

культурах. Это означает, что мы не должны, так сказать, жариться в собственном жиру, а должны рассматривать финно-угров в более широком, глобальном контексте, если угодно, в масштабах экосистемы.

Во-первых, существует функциональная модель защиты, применяя которую, пытаются прежде всего помочь тем видам, которые необходимы для выживания других видов, поскольку незаменимы в пищевых цепях. Это относится, скажем, к белоствольной сосне, шишки которой составляют стратегическую часть рациона медведей гризли.

Во-вторых, есть охрана, основанная на месте вида в процессе эволюции, то есть при таком подходе перечни охраняемых видов составляют исходя из того, сколь уникален их генетический вклад. Чем более редким и далеко отстоящим от других вид является, тем значимее его геном, в качестве примера здесь можно вспомнить о китайской гигантской саламандре. Применительно к культурам при таком подходе надо защищать в первую очередь те культуры, которые дальше всего отстоят от основных течений, то есть наиболее своеобразные.

Третья, и тоже плодотворная и эффективная методика, заключается в сохранении экосистемы. Вероятность выживания вида намного увеличивается, если окружающую его среду любой ценой поддерживают в более-менее стабильном состоянии, давая тем самым виду возможность спокойно приспособиться к неизбежным изменениям.

Применительно к культурам это означает, что одной лишь культурной автономии может оказаться недостаточно. Предусмотренного законом права придерживаться своей культуры может оказаться недостаточно, если питающую эту культуру среду уничтожают или быстро изменяют до неузнаваемости. Эту трагическую картину мы видим там, где ведётся масштабная добыча нефти и газа, и там, где вырубается леса с ценными породами деревьев.

Дамы и господа!

Как видим, принципы охраны природы и всех видов вполне применимы и в вопросах культуры. Я не стану повторять прописные истины об обогащающем воздействии многообразия, а обращаю ваше внимание на соседей и родственников эстонцев — ливов.

Примерно в тысяче километров отсюда, в Мазербе, где песчаный берег Латвии уходит в Рижский залив, стоит ливский Народный Дом, построенный в 1939 году в результате сотрудничества Финляндии, Венгрии, Эстонии и Латвии. По сей день это белое здание служит для ливов — уже вымершего, по мнению многих, финно-угорского народа — очагом культуры. Оно символизирует, с одной стороны, внимание и заботу более крупных народов о сохранении и развитии языка и культуры малых народностей, а с другой — особую жизненную силу малых народностей.

Здесь я могу привести хороший и красноречивый пример: буквально вчера я получил ещё пахнувший типографской краской "Ливско-эстонско-латышский словарь». Его издание стало возможным благодаря сотрудничеству и финансированию двух стран — Эстонии и Латвии, но, разумеется, и благодаря усилиям самих ливов.

Издание этого словаря тоже ведь можно было бы отложить до лучших времен в экономике, ведь не секрет, что по Эстонии, и особенно по Латвии, глобальный кризис нанес очень тяжелый удар.

Преыдуший словарь ливского языка был издан почти семьдесят пять лет назад. Новый словарь - первый столь объемный и содержательный - издан как раз к финно-угорскому конгрессу благодаря финансовому участию Латвийского государства. Живущая в условиях жёсткой экономии Латвия сочла необходимым поддержать издание словаря маленькой исконной частички своего населения.

Свободные и демократические общества считают необходимым и имеют смелость поддерживать важные для сохранения культуры проекты — причем проекты важные именно по сути, а не с формальной стороны. Это нам в Эстонии хорошо известно из нашего прошлого, как известно и ливам, латышам и другим народам.

Мы были вынуждены жить в государстве, где народной культуре полагалось быть «социалистической по содержанию и национальной по форме», то есть удручающе стереотипной и без подлинного народно-культурного содержания. Собственными силами и разумом мы противостояли этому идеологическому давлению. Потому что там, где нет содержания, не останется в итоге и формы; ничто не может существовать без содержания.

Именно свободные и демократические государства в состоянии спокойно разбираться в своём прошлом, не боясь предавать гласности и такие факты, которых стоит стыдиться и за которые надо просить прощения. Мы не боимся книг, описывающих преступления, совершенные в отношении финно-угорских народов. Мы не изымаем такие книги, мы читаем их, учимся избегать впредь таких ошибок и стараемся, если ещё возможно, эти ошибки исправить.

Все сказанное подводит нас к тому, что мы, народы и культуры, которым выпало счастье жить и развиваться в собственном демократическом государстве, обязаны отстаивать свободу и демократию, чтобы сохранялись языки и культуры всех финно-угорских и других малых народов.

Желаю конгрессу финно-угорских народов содержательных дискуссий и наилучших решений. Спасибо!